

8. Степанова Е. А. «Наш Христос — не Ваш Христос»: проблема индивидуальной интерпретации священного текста // *Вопр. философии*. 2017. № 4. С. 50–60.

9. Раммохан Рай. Иша-упанишада // *Вопр. философии*. 2016. № 4. С. 140–149.

10. Скороходова Т. Г. Этический монотеизм versus индуистский политеизм: интерпретация Иша-упанишады в религиозной мысли Раммохана Рая // *Вопр. философии*. 2016. № 4. С. 129–139.

11. Данте Алигьери. Божественная комедия. М.: Интерпракс, 1992. 624 с.

12. Морозов А. А. Религия как технология // *Религиозная ситуация в российских регионах: тезисы докладов и сообщений VI Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 28–29 сентября 2018 г.)*. Омск: ОмА МВД России, 2018. С. 48–51.

13. Олденквист Э. Моральные чудеса и противоречивость доктрины первородного греха // *Этическая мысль*. 2013. Вып. 13. С. 76–89.

© Морозов А. А., 2019

УДК 355.01

Науч. спец. 09.00.01

DOI: 10.36809/2309-9380-2019-24-30-33

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ФАКТОРА АСИММЕТРИИ В ВООРУЖЕННОМ КОНФЛИКТЕ

В статье рассматриваются подходы к определению феномена асимметрии в вооруженном конфликте. Выявляются основания формирования ключевых стратегий победы «слабой» стороны в конфликте. Отмечена особая роль тактико-стратегического подхода. Стратегия и тактика «асимметричной войны» представлены как смена формата межгосударственных войн в условиях невозможности «войны традиционного типа». Стратегия «асимметричной войны» рассмотрена в качестве матрицы целого ряда новых способов военно-политического противоборства.

Ключевые слова: асимметричный конфликт, асимметричная война, политический миф.

Сформировавшийся после Второй мировой войны феномен асимметричного вооруженного конфликта создал новое направление в военной науке и политической конфликтологии. Но в рамках этих научных дисциплин исследуемое явление, как правило, рассматривается в качестве эмпирической данности. Требуется философский анализ асимметричного конфликта, что позволит целостно осмыслить изменение сущностных характеристик войны.

Определение асимметричного вооруженного конфликта нередко сводится к его основному постконфликтному признаку — парадоксальному проявлению слабости «сильного» актора и способности «слабого» актора навязать политическую волю «сильному» противнику [1, р. 195]. Это вооруженный конфликт между сильным государством и более слабым противником, в котором сильное государство терпит политическое поражение [2, с. 28]. Как пример такого конфликта можно привести войну между США и Демократической Республикой Вьетнам 1965–1975 гг.

Сформированы следующие подходы определения асимметрии в вооруженном конфликте:

1. Политико-правовой — неравенство статуса противников в рамках одной правовой системы.

BASIC APPROACHES TO DETERMINING ASYMMETRY FACTOR IN ARMED CONFLICT

Approaches to the determination of asymmetry in armed conflict are discussed in the article. The foundations for the formation of key strategies for the victory of a “weak” side in the conflict are revealed. The special role of the tactical and strategic approach is noted. The strategy and tactics of “asymmetric warfare” are presented as a change in the format of interstate wars in the context of the impossibility of “a traditional type of war”. The strategy of “asymmetric warfare” is considered as a matrix of a series of new methods of military-political confrontation.

Keywords: asymmetric conflict, asymmetric war, political myth.

2. Традиционный — неравенство силовых и ресурсных возможностей.

3. Парадоксальный — политическое поражение «сильной» стороны без нанесения военного поражения.

4. Субъективистский — коренное различие интереса и отношения сторон к конфликту.

5. Мобилизационный (психологический) — неравенство мотивации сторон к продолжению борьбы.

6. Тактико-стратегический — нетрадиционная стратегия и тактика «слабой» стороны [3, с. 11].

Политико-правовой подход требует прояснения терминологии. Прежде всего необходимо определить, насколько относится исследуемое явление к родовому понятию «война». Вопрос о квалификации вооруженного конфликта в качестве войны в корне меняет правовую ситуацию в отношении исследуемого явления. Если исследуемое столкновение квалифицируется как война, то его участники приобретают права и обязанности, которых у них до сих пор не было. В парадигме политико-правового подхода война понимается как крайняя форма международного вооруженного конфликта, который происходит между государствами и союзами государств, начинается и заканчивается путем совершения определенных юридических актов и влечет за

собой особые правовые последствия, в частности прекращение или приостановление международных договоров [4, с. 133]. Таким образом, война, исходя из политико-правового подхода к ее определению, не может квалифицироваться как асимметричный вооруженный конфликт. Если столкновение не является войной в традиционном понимании, то мы наблюдаем международный или внутригосударственный вооруженный конфликт. Своеобразной особенностью асимметричного вооруженного конфликта становится несоответствие статуса акторов. В силу чего одна из сторон, которую мы именуем «слабая», имеет возможность игнорировать обязанности воюющей стороны ввиду того, что она не только не является субъектом международного права, но и, возможно, не обнаруживается как единый субъект. Соответственно, «сильная» сторона сталкивается с тем, что она вынуждена соблюдать большинство обязанностей и при этом не обладает всеми правами, которые дает состояние войны. Иначе говоря, минимальным условием полноценной войны со всеми ее правовыми и политическими традициями является случай, когда субъекты изначально равны по своему статусу либо одна из сторон приобретает такой статус в ходе развития конфликта. Отдельно следует рассматривать целенаправленное применение метода асимметрии как особенного способа ведения войны или вооруженного конфликта между сторонами с равновесными статусами, но неравновесными силовыми возможностями. Так мы можем рассматривать войну в ее разных проявлениях, которые мы для удобства обозначим как «война традиционного типа» и «война асимметричного типа».

Традиционный подход к определению асимметрии в вооруженном противостоянии дает формальные основания для того, чтобы практически любой конфликт расценивать как асимметричный, так как абсолютно равновесным можно назвать только гипотетический конфликт «Буриданова осла». Технологическую асимметрию следует рассматривать как вариант асимметрии силы. Но даже в случае приблизительного равенства сил эти силы применяются по-разному. В случае значительного силового дисбаланса предельная необходимость экзистенциального характера формирует особую стратегию асимметричного воздействия.

Парадоксальный подход, основанный на выявлении неожиданной ситуации, выражающейся в победе «слабой» стороны конфликта, не всегда можно наглядно выделить как четкий критерий асимметричности, так как не каждое вооруженное противостояние, которое удовлетворяет прочим определениям асимметрии, знаменуется однозначно трактуемой и наглядной победой «слабого». Но применив расширенную трактовку парадоксальности, допустимо считать таковой саму способность противостояния «сильному» актору, вынуждая того применять силовые ресурсы, значительно превосходящие ресурсы «слабого».

Субъективистский подход в определении асимметричности вооруженного конфликта выявляет направленность на создание и использование асимметрии ценностей. Цели, к которой стремится «слабый», придается наивысший уровень ценности, превышающий ценность жизни отдельного индивида.

Для «сильного» актора, угрозы, которые способен реализовать противник, не становятся предельно опасными или

ущемляющими жизненные интересы. Вопросы экзистенциального характера сталкиваются с материальным интересом, с установкой на выгоду. Вопрос существования имеет решение в рамках бинарной логики: «да» и «нет». Материальная выгода — величина, которая поддается исчислению и точной оценке, а это значит, что существует возможность создать такие условия, когда баланс доходов и издержек определяет предприятие «сильного» актора как невыгодное. Задача «слабой» стороны — сделать войну невыгодной для «сильного» противника.

Мобилизационный (психологический) подход имеет ключевое значение в исследовании асимметричного вооруженного конфликта. При выделении в качестве определяющего фактора коллективной воли подразумевается, что именно коллективная воля «слабой» стороны непропорционально велика в сравнении с подобным фактором «сильной» стороны. Ресурсный дисбаланс может преодолеваться способом когеренции коллективной воли «слабой» стороны. Так как асимметрия воли проявляется в решимости сторон вести борьбу, то на индивидуальном уровне это выражается в способности пожертвовать жизнью у отдельного представителя «слабой» стороны, а вот со стороны «сильной» — это чувствительность к собственным людским и материальным потерям, а также зависимость от общественного мнения.

Тактико-стратегический подход в феноменологии асимметричного вооруженного конфликта допустимо назвать наиболее наглядным и по этой причине широко описываемым исследователями, СМИ и участниками событий в литературе мемуарного характера. В рамках тактико-стратегического подхода предоставляется возможность наблюдать весь спектр явлений, лежащих в основе вышеперечисленных подходов к изучению асимметричного конфликта, характерные особенности которых объективируются в стратегию асимметричной войны. В силу этих причин необходимо уделить основное внимание именно этому подходу в изучении асимметричного вооруженного конфликта.

Исходя из политико-правового подхода стратегия «слабого» в условиях асимметрии статуса состоит в ликвидации или игнорировании формальных организационных структур «сильной» стороны и создании собственных, неформально действующих на спорных территориях. Тогда организации, имеющие статус легальных, отрываются от управления и становятся нелегитимными. Управление, которое фактически переходит к «слабой» стороне, дает ей статус нелегальной, но легитимной. Можно сказать, что статус «сильной» стороны, сформированный в значительной степени внешним признанием, преодолевается стратегией «слабой» стороны, направленной на формирование внутреннего признания своего статуса и делигитимацию формального статуса «сильного».

В рамках традиционного подхода стратегия «слабой» стороны в условиях асимметрии силы выражается в стремлении нейтрализовать важнейшие преимущества «сильной» стороны. «Слабая» сторона непрерывно исследует «сильную» в поисках ее слабостей.

Несоразмерность технических возможностей, которую мы также относим к категории «сила», приводит к тому,

что «слабая» сторона выстраивает свою стратегию противодействия на основе использования технических новинок гражданского назначения, которые адаптируются для военного применения. В отличие от военной техники, подобные суррогаты не способны полноценно выполнять свое назначение во всем возможном диапазоне условий боевых действий, но эффект от конкретного их использования бывает не меньшим. Примером могут служить атаки террористических группировок при помощи кустарно изготовленных малоразмерных летательных аппаратов на российскую авиабазу Хмеймим в Сирийской Арабской Республике [5, с. 49]. Важно отметить применение современных средств коммуникации, наиболее важным из которых выступает Интернет. Возможна и обратная тенденция — применение архаичных технических решений, например обращение к массовому применению холодного оружия. Стратегия «слабого» предусматривает максимальное вовлечение в конфликт всех категорий населения. Большую роль в стратегии «слабой» стороны играет обращение к нелегальному рынку оружия.

Нарушения нормы увеличивают число союзников «слабого». Именно нарушение нормы служит важным индикатором того, что одна из сторон перешла к применению асимметричного воздействия. Применение таких террористических методов предусматривает воздействие «слабого» участника на гражданское население «сильной» стороны, которое, в отличие от воинских подразделений, не столь защищено, а полицейские службы не способны обеспечить тотальную защиту.

Обратившись к парадоксальному подходу, важно понять, что в условиях асимметричного воздействия форма манифестации победы может носить особенный характер, диктуемый теми целями, к которым стремится «слабая» сторона. Использование стратегии терроризма «слабой» стороной конфликта приводит к тому, что в коллективном сознании «сильного» участника присутствует постоянная напряженность и даже страх. Экономика «сильного» участника также несет значительные потери, что обусловлено внедрением мер дополнительной безопасности. Стратегия «слабого» выражается в максимальном затягивании конфликта. Для либеральной общественности западных стран неприемлемы длительные и затяжные вооруженные конфликты. Поэтому для упреждения вмешательства в конфликт вооруженных сил западных государств иногда хватает демонстрации готовности к затяжной войне. «Слабый» создает другое время — «время затрат», которое ломает планы противника. Время со стороны «сильного» — источник стоимости. Но для «слабого» в условиях затяжного конфликта, который растягивается на годы, а порою и на десятилетия, новые поколения формируются исключительно в «жизненном времени» войны, которая становится уже не аномалией, а нормой жизни. Чем дольше продолжается вооруженное столкновение, тем прочнее война становится основным видом бытия для представителя «слабого». Для «сильного» война приносит неудобства и расходы, пропорциональные «времени затрат». В итоге «коммерческое время» в асимметричном конфликте становится «временем затрат» и все больше истощает «сильную» сторону финансово.

Таким образом, необходимо отметить, что имеет место и асимметрия оценок победа-поражение, которая в условиях информационной культуры исходит из понимания и представленности в медиaprостранстве действий конфликтующих сторон. Наблюдатель в позиции «сильной» стороны, как правило, находится от театра военных действий на большом расстоянии, оценивает победоносность войны по тому, как это демонстрируют ему как зрителю. Представитель «слабого» оценивает победоносность в своих реалиях восприятия действительности.

Изучение коренного различия интереса и отношения сторон к конфликту позволяет выявить тенденцию «слабой» стороны к стратегии, направленной на создание и использование асимметрии ценностей. Таким образом объяснимый и детерминируемый в материальных единицах интерес трансформируется в нечто большее, возможно, даже сакрализуется, и тогда цели, к которой стремится «слабый», придается наивысший уровень ценности, превышающий ценность жизни отдельного индивида. Следует отметить мнение многих американских и западных исследователей о том, что асимметричность интересов является главной формой асимметричности [6].

Особенно эффективна эта стратегия, когда у противников изначально разнятся индивидуальные и общественные ценности. Отношение к человеческой жизни, к женщинам и детям может разительно отличаться от нормативных европейских принципов. Для наглядности можно обратиться к современным вооруженным конфликтам Африки и Ближнего Востока. Задачей «слабого» становится не уничтожение хорошо вооруженного и организованного противника, а ограничение его свободы действий. Например, ведение боевых действий в условиях густонаселенного города или участие в качестве комбатантов женщин или даже детей. На фоне западного отношения к правам сексуальных и других меньшинств, толерантности к чужим культурам ценностные основания «слабого» тяготеют к традиционным представлениям о праве, о норме и отношении к чужому. Толерантность «сильного» к проникновению представителей чужих культур со своим мировоззрением в западное общество оценивается «слабой» стороной как слабость. Западное отношение к меньшинствам оценивается в нормах традиционной этики как безнравственность, преступающая сакральные запреты. Запад в мироощущении представителя «слабой» стороны антипатичен и, возможно, даже преступен.

Так называемый мобилизационный или психологический подход прежде всего направлен на исследование стратегии «слабого» по формированию асимметрии воли. Данная стратегия выражается в том, что, выдвигая простые и понятные всем свои сторонникам цели, «слабая» сторона переводит их в аксиологическую плоскость и даже сакрализуется их. Таким образом вырабатывается привлекательная и эффективная, целостная идеология, собирающая волю всех индивидов воедино. Более того, вырабатывается и идеологически маркированная политическая мифология, включающая иррациональные механизмы веры. Востребованность политических мифов в кризисный период отмечена К. Фладом, который характеризует их создание как род практического мышления в эмоционально напряженной атмосфере кризиса [7, с. 75].

Если исходить из утверждения Э. Кассирера о том, что мифологическое мышление некритически воспринимает мир в его неразделенной цельности с простым наличным бытием [8, с. 50], то мы обнаруживаем в политических мифологиях своего рода синхронизатор ритмов жизни отдельного человека со всем обществом, представителем которого он является. Все жизненные потребности становятся подчиненными ритмам противостояния с сильным врагом. Более того, борьба становится самой жизнью. Поэтому крайне необходимо своевременное информирование о достигнутых успехах и в то же время сакрализация и героизация образов жертв. Таким образом, важным стратегическим достижением применения политических идеологий и мифологий будет эффект резонанса индивидуальной воли с коллективной волей общественной группы, ведущей борьбу. Вершиной можно считать эффект когеренции коллективной воли, когда воля индивидуальная становится неотличима от коллективной. Крайне важно умение лидеров «слабой» стороны выждать нужный момент, когда происходит этот волевой резонанс отдельных индивидов, создающий монолит коллективной воли. Способность впоследствии удерживать это их состояние обеспечивает необходимую победу «слабому».

Двуполярная модель мира второй половины XX в. предусматривала невозможность прямого столкновения «великих держав», но столкновения происходили на территориях третьих стран, зачастую при посредстве «великих держав». После распада двуполярной модели мира и исчезновения одного из полюсов можно было ожидать снижения напряженности и уменьшения военной активности, но в 90-х гг. XX в. и в последующие десятилетия наблюдается рост количества вооруженных конфликтов асимметричного типа. Важность философского исследования асимметричного вооруженного конфликта в рамках тактико-стратегического подхода заключается в том, что он позволяет проанализировать тенденцию применения асимметричного воздействия. Подтверждением этого служит непрерывный поток публикаций о «гибридных», «информационных», «прокси» и других типах войн, которые допустимо рассматривать как элементы стратегии войны асимметричного типа. Произошла объективация стратегии «асимметричной войны», которая теперь выступает в качестве матрицы целого ряда новых способов военно-политического противобор-

ства [9, с. 319–348]. Таким образом, война становится не просто экстраординарным «...продолжением политики иными средствами» [10, с. 55], но самой политикой в ее каждодневной заурядности.

1. Mack A. Why Big Nations Lose Small Wars: The Politics of Asymmetric Conflict // *World Politics*. 1975. Vol. 27. No. 2. P. 175–200.

2. Дериглазова Л. В. Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 284 с.

3. Дериглазова Л., Минасян С. Нагорный Карабах: парадоксы силы и слабости в асимметричном конфликте. Ереван : Ин-т Кавказа, 2011. 128 с. (Аналитические доклады Ин-та Кавказа ; № 3).

4. Рыжов А. И. Юридические дефиниции в международном праве (на примере понятий «война», «вооруженный конфликт международного характера», «вооруженный конфликт немеждународного характера») // *Юридическая техника*. 2007. № 1. С. 129–134.

5. Зубов В. Н. Современные террористические и асимметричные угрозы // *Вопр. оборонной техники. Сер. 16. Технические средства противодействия терроризму*. 2018. № 5–6 (119–120). С. 47–57.

6. Попов И. М. О долгосрочных характеристиках войн и вооруженных конфликтов // Бесплатная электронная библиотека. URL: <http://nauka.x-pdf.ru/17politologiya/487915-2-im-popov-dolgosrochnih-harakteristikah-voyn-vooruzhennih-konfliktov-problemi-suschnosti-soderzhaniya-sovremennih-voyn-na.php> (дата обращения: 20.06.2019).

7. Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. М. : Прогресс-Традиция, 2004. 264 с.

8. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2. Мифологическое мышление. М. ; СПб. : Университетская книга, 2002. 280 с.

9. Попов И. М., Хамзатов М. М. Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. М. : Кучково поле, 2016. 832 с.

10. Клаузевиц К. О войне. М. : Логос, 1994. 448 с.

© Назаров С. П., 2019